

И. И. Замотинъ.

Изъ исторіи
русской журналистики
сороковыхъ годовъ.

„МАЯКЪ” И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОГРАММА.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Н. Треницынъ*.

Изъ исторіи русской журналистики сороковыхъ годовъ.

„Маякъ“ и его общественная и литературная программа.

Въ исторіи общественныхъ и литературныхъ отношеній журналы вообще являются весьма цѣннымъ матеріаломъ. Въ особенности это приложимо къ сороковымъ годамъ XIX столѣтія, когда въ силу историческихъ условій эпохи интеллигентная русская жизнь именно въ журналистикѣ находила одинъ изъ немногихъ способовъ выразить болѣе или менѣе опредѣленно свои стремленія. Поэтому документальное изученіе общественности и литературы сороковыхъ годовъ невозможно безъ непосредственнаго знакомства съ журналами этого времени. Но если въ отношеніи нѣкоторыхъ, наиболѣе значительныхъ по содержанію, журналовъ сороковыхъ годовъ (каковы напр. „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“) это знакомство отчасти имѣетъ мѣсто въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ данной эпохѣ, то нельзя того же сказать по поводу многихъ второстепенныхъ журналовъ этого десятилѣтія, совершенно еще не обслѣдованныхъ со стороны своего содержанія. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, и журналъ „Маякъ“, типично выразившій направленіе такъ называемой „официальной народности“. Непосредственный пересмотръ статей этого журнала, какъ од-

ного изъ первоисточниковъ для изученія данной эпохи, интересенъ не только въ цѣляхъ общаго освѣщенія сороковыхъ годовъ, но и въ смыслѣ уясненія, въ частности, того направленія, которое въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ общественнаго и литературнаго консерватизма продолжаетъ жить и до настоящаго времени. Настоящій очеркъ и имѣетъ въ виду дать обзоръ содержанія этого журнала, поскольку оно имѣло связь съ нашей общественной и литературной жизнью сороковыхъ годовъ.

„Маякъ“ началъ выходить въ свѣтъ съ 1840 года подъ слѣдующимъ наименованіемъ: „Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности. Труды ученыхъ и литераторовъ русскихъ и иностранныхъ“. Съ 1842 года это заглавіе журнала было видоизмѣнено такъ: „Маякъ. Журналъ современнаго просвѣщенія, искусства и образованности въ духѣ народности русской“. Редакторами въ 1840—1841 гг. были П. А. Корсаковъ и С. А. Бурачекъ; но съ 17-ой части 1841 года и до конца существованія журнала редакторствовалъ одинъ Бурачекъ; издателемъ былъ сначала книгопродавецъ В. П. Поляковъ, съ 6-ой части 1840 года издателями были сами редакторы, съ 10-ой части того же года—книгопродавецъ Ю. А. Юнгмейстеръ, а съ 1842 года издательская часть перешла къ редактору Бурачку. Журналъ существовалъ съ 1840-го по 1845-й годъ.

Составъ сотрудниковъ „Маяка“ былъ довольно разнообразенъ; но среди ихъ именъ легко намѣчается тотъ подборъ меньшихъ литературныхъ величинъ, который наиболѣе соответствовалъ характеру самого журнала. Такъ, въ срединѣ существованія „Маяка“, именно въ 1842 году, сдѣлано было редакціей такое заявленіе о сотрудникахъ на слѣдующій, 1843-ій, годъ: „Сотрудники Маяка на 1843 г. будутъ по части наукъ многіе наши академики, профессоры и извѣстные ученые: М. В. Остроградскій, В. Я. Буняковскій, А. М. Шёгрень,

И. М. Ястребцовъ, И. П. Липранди, А. В. Висковатовъ, С. С. Куторга, В. Н. Карповъ, докторъ Зедергольмъ, Ѳ. Л. Морощкинъ, Н. В. Савельевъ, П. С. Савельевъ, И. П. Сахаровъ, М. Н. Макаровъ, М. С. Куторга, И. П. Боричевскій, А. И. Пискаревъ, А. М. Мартыновъ, Ѳ. Н. Фортунатовъ, Кіевлянинъ, П. А. Угрюмовъ, Е. Ѳ. Бутовичъ-Бутовскій, А. Н. Савичъ, О. И. Сомовъ, В. А. Васильевъ, П. Г. Коншинъ и другіе. По части изящной словесности: А. П. Глинка, Ѳ. Н. Глинка, князь А. А. Шаховскій, А. В. Тимофеевъ, А. В. Зражевская, С. П. Панюта-Основьяненко, А. И. Іваницкій, Н. И. Іваницкій, П. А. Корсаковъ, Т. Г. Шевченко, А. П. Кузьмичъ, С. Н. Навроцкій, Н. Я. Тихорскій, П. Я. Шаршъ, И. Г. Кулжинскій, В. Р. Зотовъ, князь Н. А. Мышицкій, князь Д. А. Кропоткинъ, Н. В. Елагинъ, Я. А. Щеткинъ, Ѳ. Ѳ. Веселаго, Г. П. Пѣхотинскій, Коломенскій Старожиль, А. Ѳ. Снѣжковъ, Хаджи Димитрій, Терентій Данилычъ и др. Многіе изъ этихъ же писателей будутъ доставлять статьи и въ главу матеріаловъ, критики и смѣси. Маякъ имѣеть также въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ корреспондентовъ,—въ Египтѣ, въ Америкѣ, въ Турціи, въ Англіи, въ Молдавіи, въ Сибири и пр.¹⁾ Уже съ третьяго года изданія, согласно обѣщанію редакціи, въ „Маякѣ“ должны были помѣщаться статьи русскихъ мужичковъ, „написанныя русскимъ умомъ-разумомъ и деревенскимъ складомъ“, чтó, дѣйствительно, и исполнялось: сочиненія за подписью Антонъ Снѣжковъ, „огородникъ съ Выборгской стороны“, „областянинъ“, „маячный сторожъ“ и т. д. представляли собою, если и не подлинныя творенія русскихъ мужичковъ, то во всякомъ случаѣ поддѣлку подъ ихъ „умъ-разумъ“, и составъ сотрудниковъ „Маяка“ заперстрѣлъ еще больше. Правда, въ „Маякѣ“ мы встрѣчаемъ группу весьма почтенныхъ именъ, иллюстрирующихъ вниманіе журнала къ малорусской литературѣ и этнографіи,—таковы Основьяненко, Артемовскій-Гу-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, т. 6. Смѣсь. Объявленіе. Стр. 69.

ланъ, Шевченко, Срезневскій, Костомаровъ, Сементовскій; но эти имена стоятъ всетаки особнякомъ въ составѣ литературныхъ работниковъ журнала.

Направленіе журнала опредѣлено было уже въ 1840 г. „Программою изданія“¹⁾. „Все просвѣщеніе народное“ — говорилось здѣсь — „лежитъ у насъ на попеченіяхъ и собственныхъ издержкахъ правительства. Оно ничего не щадитъ, съ своей стороны все дѣлаетъ“... Но официальные ученые работаютъ мало для науки; поэтому „надо пробудить любовь къ серьезной учености въ публикѣ“. Эту именно цѣль и ставить себѣ „Маякъ“. Рука объ руку съ наукой должна идти и словесность, потому что „нельзя раздѣлять пищи для сердца отъ пищи для ума, образованіе сердца отъ просвѣщенія ума“. Въ виду этого „Маякъ“ обѣщался помѣщать на своихъ страницахъ и словесныя произведенія разнообразнаго содержанія, но при этомъ всетаки подчеркивалъ, что „лучшимъ украшеніемъ книги (журнала) будутъ статьи, пропитанныя религиознымъ чувствомъ, здоровою, прямо русскою философіей“.

Принципъ „народности русской“, упомянутый въ заголовкѣ журнала лишь съ 1842 года, былъ въ сущности усвоенъ журналомъ уже съ перваго момента его существованія. Толкованію „народности“, какъ краеугольнаго камня, на которомъ думали прочно основать зданіе „Маяка“ Бурачекъ и его сотрудники, посвященъ цѣлый рядъ статей на протяженіи всего существованія журнала. Исходная точка зрѣнія на народность отзывается отдаленнымъ сходствомъ съ шеллингизмомъ и гегелианствомъ, на которыхъ иногда сходились самыя противорѣчивыя направленія сороковыхъ годовъ. „Народность читаемъ въ „Маякѣ“ за 1841 годъ²⁾—не есть что-либо случайное, зависящее отъ произвола людей, отъ взаимнаго ихъ условія. Народность есть проявленіе правъ и дарованій Божіихъ народу, у каж-

---

1) „Маякъ“, 1840, ч. I. „Вмѣсто предисловія. Программа изданія“. Стр. I—XIV.

2) „Маякъ“, 1841, т. 19, гл. 4. Библіотека избранныхъ сочиненій. Русская народность, стр. 20—21 (Авторъ не обозначенъ).

даго народа своимъ образомъ. Народъ счастливъ пока растить свою жизнь въ предѣлахъ своей народности. Народъ слабѣетъ и падаетъ, когда, забывая и презирая свои, увлекается чужими стихіями народности, ему не сродными, не ему предназначенными“. Изъ этого общаго положенія, не чуждаго и прогрессивной идеологіи сороковыхъ годовъ, въ „Маякѣ“ сразу же дѣлается поворотъ въ сторону оффиціальной народности: „Каждый народъ имѣетъ коренныя и временныя стихіи своей народности... Царь, Вѣра и Языкъ: самодержавіе, православіе и слово, ближайшій представитель народности, — вотъ истинно три краеугольные камни русской народности. Всѣ прочія стихіи—отъ нихъ“... Послѣ перечня „временныхъ“ стихій народности, обнаруживающихся въ наукѣ, искусствахъ и во внѣшней культурѣ даннаго народа, авторъ статьи отъ имени редакціи „Маяка“ возлагаетъ на журналъ высокую задачу выясненія разныхъ стихій русской народности и проведеніе ихъ въ сознаніе русскаго человѣка. „Не дожидая другихъ, „Маякѣ“, съ Божіей помощью, смиренно, посильно начнетъ и, что сможетъ,—сдѣлаетъ. Редакція уже приговорила многихъ изъ своихъ сотрудниковъ заняться изученіемъ разныхъ стихій народности нашей, вкратцѣ здѣсь исчисленныхъ: она усердно приглашаетъ къ тому же и всѣхъ желающихъ; съ величайшею благодарностью, предпочтительно всякимъ другимъ статьямъ, напечатаетъ она статью о русской народности. Когда всѣ стихіи ея будутъ такимъ образомъ списаны съ природы, сближены и сведены вмѣстѣ, только тогда мы ее поймемъ и убѣдимся, что еще не было въ исторіи народа, столько ущедреннаго отъ Бога нравами и дарованіями народности, и не было народа, столько же и неблагодарнаго къ Богу и несознательнаго къ самому себѣ, какъ мы, грѣшныя русскіе!“¹⁾

Ставъ на точку зрѣнія обслѣдованія „коренныхъ и временныхъ стихій“ русской народности, „Маякѣ“ настойчиво

¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

сталь преслѣдовать эту задачу. На первомъ планѣ стояли, конечно, коренныя стихіи; но съ ними дѣло обстояло просто: онѣ нуждались не столько въ обслѣдованіи,—такъ какъ были вполне ясны для всякаго, даже стоявшаго вдали отъ господствовавшей системы официальной народности—, сколько въ постоянномъ провозглашеніи и возвеличеніи. И „Маякъ“ ихъ провозглашалъ и возвеличивалъ. „Есть три жизненные русскія стихіи: православіе, самодержавіе, народность“— читаемъ въ одной изъ рецензій „Маяка“ за 1841 годъ. „Возрожденная ими—Россія съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ богатырски вынесла всѣ историческія бури и бѣды и только глубже и глубже пускала корни своего могущества. Еще не давно то время, что Россія, залюбовавшись стихіями чуждыми, стала было охлаждѣвать къ своимъ. Мудрое нынѣшнее правительство торжественно ей напомнило и указало на забытые собственные источники жизни и силы государственной. Какъ оперившіеся птенцы вострепнулись русскіе на всѣхъ концахъ Россіи и одушевились общимъ стремленіемъ къ родному“¹⁾. Эта счастливая обособленность Россіи, сильной коренными стихіями народности, создана ея своеобразнымъ историческимъ прошлымъ и ведетъ ее къ величественному и не менѣ своеобразному историческому будущему. „Угнетенная татарами, Россія оставалась младенцемъ во внѣшнемъ образованіи, но зато не лишилась того младенчества, которому одному доступно Небо. Она лишена была почти всей силы личной воли своей, но за то осталась непричастною европейскому своеволюю. Россія всегда жила у самаго источника свѣта и свободы, которыхъ такими страшными путями искали и ищутъ европейскіе народы, и всегда сколько душъ было угодно пила изъ него. Петръ первый поставилъ Россію на степень державъ и народовъ міра, на которой ей суждено—не срав-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1841, ч. 23. Библіотека избранныхъ сочиненій. По поводу книги „Правда Вселенской Церкви о Римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ“. Спб. 1841. Стр. 80.

няться съ сими державами и народами и не превзойти ихъ, нѣтъ, а возвысить ихъ до себя, просвѣтитъ ихъ свѣтомъ, проникнуть жизнью, одушевить любовью, въ ней одной со всею чистотою сохранившимися“ 1).

Эти коренныя стихіи составляютъ рѣзкое отличіе русской народности отъ западноевропейскихъ націй, продолжающее жить въ полной силѣ и послѣ реформы Петра Великаго. Вопреки западникамъ, видѣвшимъ въ реформѣ Петра нашъ переходъ къ западной культурѣ, и вопреки славянофиламъ, желавшимъ видѣть въ той же реформѣ по меньшей мѣрѣ разрывъ съ народными русскими традиціями, оффиціальная народность „Маяка“, искавшая вообще опоры въ правительственной дѣятельности, силилась и въ реформѣ Петра отыскать точку опоры какъ для своего прошлаго, такъ и для своего будущаго. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ статьѣ Н. Кулжинскаго „Очная ставка русскимъ обычаямъ: православному и заморскимъ, старымъ и новымъ“: „Большой порогъ положили наши говоруны-пустомели, прости имъ Господи, поперегъ прямой дороги къ нашей народности: то и дѣло твердятъ намъ: „что-дескать отецъ и благодѣтель нашъ, батюшка Царь Петръ Алексѣевичъ, царство ему небесное, всю-то старую русскую, ничтожную субстанцію — съ лица земли долой, и реформою своею радикально вложилъ въ насъ новую, мировую, обще-европейскую субстанцію!“ По-русски, по-человѣчески это переводится такъ: „будто Петръ I бросилъ все старое, русское, и водворилъ все новое, „европейское“. Вотъ же это круглая неправда! какъ ни поверни — все неправда. Церковь-то старую, Святую Православную, онъ не только сохранилъ, но и новой оградой оградилъ; и не далъ ни Сорбонѣ, ни Англиканству еретическому подкопаться подъ ея ограду; а куды плотно и ловко домогались! Нѣтъ,

---

1) „Маякъ“, 1842, т. 1, гл. 4. Библіотека избранныхъ сочиненій. Заграничная критика на „Маякъ“, статья П. Угрюмова. (Цитируется въ ней статья „Судьба Россіи“, „Маякъ“, ч. 11). Стр. 57—8.

не отуманили ясныя очи Царя православнаго; до гробовой доски онъ, батюшка, пребылъ вѣрнымъ Церкви старой, пратеческой. Престоль, что ли, старый, царскій, самодержавный онъ опрокинулъ? Нѣтъ, онъ, родимый, потомъ да мозолями возвеличилъ, прославилъ, укрѣпилъ его и украсилъ еще вѣнцомъ Императорскимъ, и заповѣдалъ его доброй Руси на вѣки вѣчныя, а буйной Европѣ—на укоръ и въ примѣръ назидательный. Слово ли родное, русское онъ помялъ?—Обыноземилъ было маленько: но время все, почитай, сдуло и сгладило. Слуги Церкви Божіей вѣрой и правдой отстояли, оберегли и сохранили намъ и слово заповѣдное, родное. Одѣжу ли, бороду ли русскую, окатистую, замѣнили онъ иноземнымъ голобородкомъ? — Но стоить ли гóря борода молодецкая и русскій кафтанъ? Такъ или не такъ, за этимъ не постоимъ. Быть ли русскій, обычаи ли, нравы родной земли онъ старые измѣнилъ на иноземныя? — Вотъ уже это не погнѣвайтесь, неправда. Онъ зналъ быть иноземный, и слугъ своихъ выучилъ ему, чтобъ не ударили лицомъ передъ иноземщиной и не испортили бы дѣлъ, что съ ними затѣвали; а и Царь-то у себя дома жилъ, да и слуги его вѣрные жили все по старому русскому обычаю. Только гдѣ-гдѣ, державный, скобелемъ попригладилъ старые обычаи, да съ лица лачкомъ иноземной утонченности подернулъ; — да мы за этимъ не стоимъ, за это благодарствуемъ¹⁾.

Въ болѣе спокойной формѣ эта мысль о значеніи реформы Петра I въ дѣлѣ непрерывнаго роста исконныхъ стихій русской народности развита была въ одной изъ статей слѣдующаго, 1844-го года. „Если дерево русской образованности— читаемъ тутъ—приносило даже до временъ Петра плоды добрыя, обильныя, сладкія, питательныя, не гибнущія, значитъ самое де-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1843, т. 11. Словесность. Очная ставка русскимъ обычаямъ: православнымъ и заморскимъ, старымъ и новымъ. И. Кулжинскаго. Стр. 2—3.

рево еще задолго—задолго до Петра было,—и было доброе, живое, исполинское, цвѣтущее, медленно готовившееся, и не бесплодно, къ своему будущему оплодотворенію, и созрѣло къ нему еще до Петра. Онъ взрыхлилъ только почву, корни окопалъ гноемъ, отребилъ бесплодное и сухое рожденіе, подвязалъ вѣтви, угрожавшія отяжелѣть плодами, — и вотъ мы радуемся дереву и плодамъ его! Но дерево было до Петра; при Петрѣ былъ собственно цвѣтъ его, изумительный, роскошный. Насадилъ и возрастилъ это пятитысячелѣтнее богатѣе-дерево самъ Небесный Вертоградарь; подвергалъ всѣмъ искусамъ роста и силы и хранилъ его въ теченіе многихъ бурныхъ зимъ, знойныхъ лѣтъ, опустошительныхъ, безпутьныхъ осеней; оно незримо пускало корни свои глубже и глубже, маторѣло и развѣтвлялось пышнѣе и пышнѣе; предшественники и преемники Петра и самъ Петръ лишь поливали и ходили за нимъ“¹⁾).

Приписывая, такимъ образомъ, охраненіе и укрѣпленіе русской народности правительственной дѣятельности, „Маякъ“ съ этой именно точки зрѣнія характеризуетъ и предшественниковъ и преемниковъ Петра I. Съ этой стороны въ „Маякѣ“ идеализируется и Іоаннъ Грозный, какъ хранитель драгоценныхъ народныхъ традицій²⁾; съ этой же стороны неоднократно дѣлается попытка нарисовать величественный апогеозъ царствованія императора Николая I. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ редація журнала пользуется стихотворными произведеніями своихъ сотрудниковъ. Таково, напр., стихотвореніе Калистратова „Русь Святая. На новый годъ“³⁾:

---

1) „Маякъ“, 1844, т. 18. Критика. Древніе и новѣйшіе судіи дѣявій Петра Великаго съ 26 апрѣля 1755 года по 1844 й. Василя Бѣлаго. Стр. 115.

2) Ср. „Маякъ“, 1844, т. 18. Гл. 3. Матеріалы. Наружность и характеръ царя Іоанна Грознаго. Ст. Мартоса. Стр. 2—4.

3) „Маякъ“, 1842, т. 1. Словесность. Стихотворенія. „Русь Святая. На новый годъ“. Калистратова. Харьковъ. Стр. 2—3. Въ

О какъ сладостно, нашъ Орель родной,
Благодатный Царь, Николай Первый!
Быть счастливыми подъ крыломъ Твоимъ.
Ты въ сердцахъ живешь вѣрныхъ слугъ Своихъ,
Они всей душой—Тебѣ преданы,
Всѣми чувствами Ты почтенъ отъ нихъ;
Предъ глазами ихъ Ты, Великій Царь,
Черезъ сто лѣтъ въ Себѣ воскресилъ Петра:
Тотъ же твердый духъ—сильный волею,
Тотъ умъ творческій, ликъ божественный,
Тотъ же острый взглядъ, пронизательный;
Грудь высокая—соколиная,
Мышцы крѣпкія—богатырскія.
Словомъ—все въ Тебѣ мы Петрово зримъ:
Такъ могущественъ, также славенъ Ты,
Славой громкою—исполинскою,
И законами и любовью къ намъ,
Самаго Тебя—отверженіемъ
И стремленіемъ къ благу общему;
Славу тожъ еще Ты на вѣкъ стяжалъ —
Покровительствомъ просвѣщенію,
Сообразному и обычному
Съ монархическимъ вседержавіемъ,
Съ православіемъ и народностью.

Послѣднія слова стихотворенія въ сжатой формѣ очень ярко выражаютъ взглядъ на сущность просвѣщенія, свойственный какъ вообще направленію официальной народности,

---

цѣляхъ изобразить внутреннее благообразіе современнаго политическаго режима въ Россіи „Маякъ“ пользуется иногда и такимъ матеріаломъ, какъ рѣчи и проповѣди сельскаго духовенства на разные темы, имѣющія отношеніе къ разъясненію правительственной дѣятельности. Такова, напр., „Рѣчь къ жителямъ села Воскресенскаго (Орловской Епархіи), по случаю полученія церковнымъ старостою медали за 20-лѣтнюю службу“. („Маякъ“, 1842, т. 6, гл. 1. Словесность. Стр. 4—5).

такъ въ частности редакціи „Маяка“. Такая оцѣнка внутренней политики царствованія имп. Николая I обыкновенно сопровождается въ „Маякѣ“ и возвеличеніемъ внѣшнихъ политическихъ отношеній этого времени. Дѣлается это также иногда въ стихотворной формѣ, какъ это видимъ, напр., въ стихотвореніи А. Градцева „Заздравный кубокъ русскому царю“¹⁾:

Какъ чело Его высоко,
Полно мудрости святой,
Какъ поводитъ Онъ далеко
Взоръ свой быстрый, огневой.
Всѣ въ Немъ дивно, всѣ блистаетъ,
И державою своею
Онъ, какъ Ангель, осѣняетъ
Вѣрнопопавшихъ дѣтей.
Подъ десницею Монарха
Бодро Русь летитъ впередъ,
Быстрыхъ крылъ ея съ размаха
Дерзкій врагъ не подшибетъ.
Если жъ смутный часъ настанетъ,
Лишь враги къ намъ подбѣгутъ,
Царь съ дружиной громомъ грянетъ,
И во прахъ враги падутъ!

Остальныя начала, входящія въ составъ „коренныхъ стихій“ русской народности, трактуются съ такимъ же національнымъ самодовольствомъ и самовозвеличеніемъ, не допускающимъ ничего общаго по духу между русскимъ и европейцемъ. Одну изъ благоприятныхъ причинъ этой нашей самодовлѣющей національной исключительности „Маякъ“ видитъ въ православіи. „...Самая важная и всесильная причина (народности)—Православная Вѣра и Церковь, которая не толь-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, т. 6. Словесность. „Заздравный кубокъ русскому царю“. А. Градцевъ. Стр. 11—12.

ко измѣняетъ характеръ, личность человѣка, но совершенно перерождаетъ его: она-то, составляя, можно сказать, дыханіе русскаго народа, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ перерожденіе русскаго въ западнаго европейца, сколько бы ни хлопотали объ этомъ эклектическія статьи; она-то составляетъ Божественную основу русской народности, весьма отличную отъ другихъ народностей“¹⁾). Понятно отсюда, почему „Маякъ“ съ такимъ вниманіемъ отнесся, напр., къ ученымъ изысканіямъ В. А. Мацѣвскаго, у котораго встрѣтилъ указанія на исконную связь западныхъ славянскихъ племенъ съ восточною церковью. Помѣщая въ „Маякъ“ статью этого ученаго въ русскомъ переводѣ, редація журнала сдѣлала слѣдующее къ ней примѣчаніе: „Имя автора сей статьи, польскаго ученаго Мацѣвскаго, уже извѣстно читателямъ Маяка, какъ славнаго юриста. Мацѣвскій, хотя самъ католикъ, однако жъ не поколебался обнародовать неопровержимыя доказательства, что первоначально всѣ славянскія племена заимствовали христіанскую вѣру отъ Восточной церкви“²⁾).

Національное самодовольство охранительнаго журнала идетъ еще дальше, когда дѣло касается языка, какъ одного изъ началъ, обезпечивающихъ ростъ коренныхъ стихій русской народности. „Маякъ“ не ограничивается признаніемъ единства одного основнаго русскаго языка для всѣхъ его на-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, т. 2, гл. 4. Библіотека избранныхъ сочиненій. Слова два-три о началахъ народности. Н. Титова. Вологда. Стр. 205.

²⁾ „Маякъ“, 1844, т. 15, гл. 3. Матеріалы. Взглядъ на древнюю Польшу съ замѣчаніями о Литвѣ и Россіи. (Статья Мацѣвскаго, перевелъ съ польскаго) Л. Кавелинъ. Стр. 53. Переводъ сдѣланъ, очевидно, изъ сочиненія В. А. Мацѣвскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian“. О судьбѣ этого труда В. А. Мацѣвскаго и, въ частности, о его переводахъ на русскій языкъ см. В. А. Францевъ, „Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго“,—въ „Запискахъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ“, вып. 4, Варшава, 1809, стр. 224 и слѣд.

рѣчій и говорювъ¹⁾, но путемъ наивныхъ филологическихъ домысловъ старается, радѣя о нашемъ національномъ величїи, даже и греческій языкъ произвести отъ русскаго. Такъ, въ одной критической статьѣ, посвященной вопросу о происхожденїи русскаго языка, сначала приводится на шести страницахъ цѣлый рядъ параллельныхъ примѣровъ, гдѣ греческія слова сопоставляются съ созвучными имъ (хотя по корнямъ и не родственными) русскими словами, съ цѣлью доказать происхожденіе первыхъ отъ вторыхъ, и затѣмъ дѣлается такой выводъ: „Ну скажите ради истины, чѣмъ эти два ряда словъ, сейчасъ выписанныхъ, доказываютъ, что всѣ они суть слова эллинскія, перешедшія въ языкъ русскій съ прибавленіемъ или съ сокращеніемъ буквъ и цѣлыхъ слоговъ? — Почему нельзя заключить изъ этихъ примѣровъ обратнаго, т. е. что эти слова суть русскія, перешедшія въ языкъ эллинскій съ сокращеніемъ или прибавленіемъ буквъ и цѣлыхъ слоговъ?“ Самъ авторъ этихъ официально-народныхъ упражненій въ филологіи нисколько не колеблется остановиться именно на этой второй догадкѣ. „Я же беру смѣлость — продолжаеть онъ — смотрѣть на это дѣло совсѣмъ съ другой точки. Небольшой отломокъ огромной славянской семьи—греки (а послѣ ихъ и римляне — тожь), по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, опередили всѣ современные имъ народы, во внѣшнемъ образованїи, а самое ядро славянства, одновременное съ греками по началу, таилось въ исторїи Европы подъ пелсмъ, незамѣченнымъ почти до IX столѣтія по Р. Хр., — хотя древніе греческіе историки не не знали о единоплеменности своей съ славянами. Мнѣ кажется, что

---

¹⁾ Ср. напр. разсужденіе о возможномъ обогащенїи и украшенїи русскаго языка при помощи малороссійскаго: „Маякъ“, 1842, т. 5, гл. 4. Критика. Исторія Малой Россїи (Сочиненїе Бантыша-Каменскаго). Изд. 3-е. Москва, 1842. 3 части. Статя С. Бурачека. Стр. 47.

при рѣшеніи этого вопроса—историческій путь доказательства будетъ гораздо ближе къ цѣли“¹⁾).

Наличность величественныхъ коренныхъ стихій въ нашей жизни, обеспеченныхъ всей внутренней и внѣшней политикой эпохи сороковыхъ годовъ, побуждала редакцію „Маяка“ особенно скорбѣть о той части русскаго общества, которая почему-либо не пріобщалась къ настроеніямъ и вождѣніямъ официальной народности. Этимъ только и можно объяснить ламентации, въ родѣ, напр., слѣдующей: „Какъ мы русскіе виновны передъ Господомъ Богомъ и передъ благословенною нашею родиною—русью святой! виновны и передъ самими собою! Церковь Православная зоветъ насъ къ жизни, истинѣ и благамъ, которыхъ ни тля глитъ, ни татіе подкапываютъ, ни крадутъ: заповѣдуетъ намъ свое спасительное Православіе, благотворное Самодержавіе и Богомъ данную народность,—мы не слушаемъ ее! Зоветъ насъ Православный Царь-Отецъ къ тѣмъ же благамъ: къ истинной Церкви Божіей, къ Власти самодержавной, и къ самобытной русской народности;—идемъ ли мы на зовъ? Вѣрныя слуги Царскіе, наше мудрое Правительство, всѣми силами стараются внушить намъ заповѣдь Церкви-матери, волю Царя-Отца,—и уши наши тяжело слышать“²⁾).

Но какъ бы то ни было, „коренныя стихіи“ нашей народности въ томъ видѣ, какъ понималъ ихъ „Маякъ“, представлялись ему несомнѣннымъ и величественнымъ фактомъ, не требующимъ особенныхъ разъясненій и доказательствъ; къ тому же по этимъ основнымъ вопросамъ редакція „Маяка“ не могла ожидать въ печати какихъ-либо откровенныхъ возраженій даже на эти свои наивныя выкладки,

---

1) „Маякъ“, 1844, т. 16, ч. 4. Критика. А. О. Готтесъ, Основаніе всеобщей словесности и происхожденіе русскаго языка. Статья (по поводу соч. А. О. Готтеса) В. Васильева. Стр. 13 и 16.

2) „Маякъ“, 1843, т. 11. Словесность. Очная ставка русскимъ обычаемъ: православнымъ и заморскимъ, старымъ и новымъ. И. Кулжинскаго. Стр. 1.

потому что всякія печатныя разсужденія на политическія и церковно-религіозныя темы въ данное время были затруднительны, если онѣ велись не въ оффиціальномъ духѣ. Иначе обстояло дѣло съ „временными“ стихіями, т. е. отдѣльными сторонами національной жизни: въ пониманіи ихъ въ эпоху сороковыхъ годовъ было уже столько различныхъ оттѣнковъ, какъ въ устныхъ толкахъ, такъ и въ печати, что представителямъ оффиціальной народности поневолѣ нужно было вступать въ полемику съ другими направленіями современной русской общественности и всѣми силами отстаивать свое оффиціальное толкованіе русской науки, русскаго искусства, русской литературы, жизни общественной, семейной, экономической и т. д. Обѣщаніе остановиться подробнѣе на обслѣдованіи этихъ „временныхъ“ стихій дано было редакціей „Маяка“ уже въ первые годы существованія журнала. Такъ, въ 1841 году читаемъ: „Временныя стихіи народности, также зависимо отъ трехъ стихій души человѣческой: ума, эстетическаго чувства и вожделѣтельности (животной воли), раздѣляются: на умственныя: науки, знанія; на эстетическія: искусства и художества; и на вожделѣтельныя, обнимающія все производимое дѣятельностью человѣка: земледѣліе, хозяйственныя работы, ремесла, промышленность, торговля и проч.“. Разсмотрѣть и эти „временныя“ стихіи „Маякъ“ также ставитъ себѣ непремѣнной задачей ¹⁾.

Въ 1843 году это обѣщаніе было настойчиво повторено: „Чтобы еще болѣе убѣдиться въ той несомнѣнной истинѣ, что русскіе искони владѣли стихіями истинной народной, плодотворной, семейной общественности, и ожидаютъ лишь творческой руки, которая дала бы только ходъ и просторъ этимъ старымъ стихіямъ, и тогда явится чудная, новая народная жизнь необъятной семьи русскихъ, — окинемъ легкимъ взглядомъ лишь нѣкоторыя изъ этихъ стихій, да мимоходомъ будемте взглядывать и на стихіи западной, бесплод-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1841, т. 19, гл. 4. Библіотека избранныхъ сочиненій. Русская народность. Стр. 20—21.

ной, безжизненной мнимой общественности, которая въ сущности есть дѣйствительная разрозненность своекорыстій, самолюбій и тщеславій, ищущихъ лишь себя показать и собою всѣхъ затмить“¹⁾). Попутно съ этими обѣщаніями, дѣйствительно, дѣлается *passim* въ специальныхъ статьяхъ, въ критическихъ замѣткахъ и даже въ беллетристическихъ произведеніяхъ обзоръ „временныхъ стихій“, между которыми особенно внимательно разсматривается подъ угломъ зрѣнія официальной народности философія, искусство и литература въ приложеніи ихъ къ русской національной жизни и ея запросамъ. Такимъ образомъ является возможность рядомъ съ политической и общественной программой „Маяка“ опредѣлить и его программу литературную.

Русская литературная критика уже съ начала XIX столѣтія привыкла исходить въ своихъ сужденіяхъ или изъ опредѣленной философской формулы или, по крайней мѣрѣ, изъ авторитетныхъ для даннаго момента эстетическихъ ученій и художественныхъ образцовъ, обыкновенно также стоявшихъ въ близкой связи съ философскими теченіями эпохи. Такимъ образомъ наша критика опиралась не только на статьи Шлегелей и на эстетики Бутервека и Аста, но и непосредственно на Шиллера, Гете, Гюго и другихъ корифеевъ художественнаго творчества; изъ философскихъ системъ она охотно держалась уже въ 20—30 хъ годахъ шеллингизма и гегелианства. Въ сороковыхъ годахъ, когда наша общественная и литературная жизнь особенно замѣтно подпала подъ обаяніе идеалистической нѣмецкой философіи, философская основа для критики сдѣлалась неизбѣжной.

Сознавая это, редакція „Маяка“ старалась придать своей литературной теоріи философскій характеръ, не въ духѣ

---

¹⁾ „Маякъ“, 1843, т. 11. Словесность. Очная ставка русскимъ обычаямъ: православнымъ и заморскимъ, старымъ и новымъ. И. Кулжинскаго. Стр. 18.

однако западной философіи, но въ духѣ „коренныхъ стихій“ русской народности, для которой „Маякъ“ стремился построить соответствующую „самобытную“ философскую систему.

Для этого прежде всего надо было отвергнуть западныя философскія мудрствованія. Въ этомъ отношеніи негодование „Маяка“ было направлено, главнымъ образомъ, на Канта, а потомъ на Фихте и Гегеля; къ Шеллингу журналъ относился спокойнѣе, потому, можетъ быть, что хотѣлъ видѣть въ его философіи подтвержденіе своей оффициально-народной программы¹⁾. Въ 1842-мъ году самъ редакторъ, С. А. Бурачекъ, выступилъ съ критикой философіи Канта и его преемниковъ²⁾. Канту инкриминируется непониманіе высшаго начала жизни и философіи—начала духа(?) и низведеніе философіи въ низшія сферы чувственности(?). „Чувствуете-ли, что во всей его критикѣ ума нѣтъ разума, въ его душѣ—нѣтъ духа; его человѣкъ—аэро-статъ, пароходъ, въ которомъ есть газъ, есть паръ, но нѣтъ высшей силы, которая имъ править. Какъ человѣкъ, управляющій пароходомъ, есть духъ парохода, такъ и въ душѣ есть духъ, еѣ оживляющій. Духъ имѣетъ свое чувство, которымъ чувствуетъ, дѣлаетъ опыты въ мірѣ высшемъ, и доставляетъ душѣ познаніе высшимъ путемъ, точно такъ же, какъ чувственность чувствуетъ низшій міръ, производитъ въ немъ опыты, доставляетъ душѣ познанія низшимъ путемъ. Кантъ приковалъ всю философію къ одному низшему пути,—сгубилъ философію: его преемники стали догадываться, что онъ грубо ошибся, и начали въ своихъ философствованіяхъ

---

¹⁾ Впрочемъ, встрѣчаются вылазки и противъ Шеллинга: ср. напр. „Маякъ“ 1841, ч. 15, Библіотека избранныхъ сочиненій, стр. 170, по поводу книги „Исповѣдь или собраніе разсужденій доктора Ястребцова“; докторъ Ястребцовъ говоритъ въ своей книгѣ о вредномъ вліяніи на него Шеллинга и популяризатора шеллингизма въ Россіи Велланскаго; попутно онъ обличаетъ и невѣріе Гегеля.

²⁾ „Маякъ“, 1842, томъ 6-й, гл. 4. Критика. Задача философіи. Статья С. Бурачека. Стр. 58—9, 62.

частенько припѣвать: духъ, духъ, духъ!— не давая, впрочемъ, слову духъ никакого содержанія, кромѣ метафизическаго, призрачнаго. Но уже они бросили Кантову логику, и начали строить свою—слышите?—логику, а не философію“. Г. Бурачекъ никакъ не можетъ отдѣлить философію отъ религіи и непремѣнно хочетъ къ системамъ Канта, Фихте и Гегеля примѣнить старую средневѣковую формулу: „philosophia est ancilla theologiae“. „Вы говорите (продолжаетъ г. Бурачекъ свою полемику съ защитниками Канта), что, по идеѣ Канта, философія можетъ быть названа наукою ума или умоученіемъ; послѣдователь Канта—Фихте сдѣлалъ её наукословіемъ, а Гегель обратилъ её въ науку абсолютнаго саморазвитія мысли, или науку сознанія. — Да будьте милостивы, вслушайтесь въ собственныя свои слова. Что больше: умъ или Богъ, наука объ умѣ или наука о Богѣ? Если философію ограничите наукою объ умѣ, такъ гдѣ же мѣсто остальному существу? о Богѣ и помина не будетъ? Оставьте лучше эту мертвую философію Западу!“

Еще менѣе подходилъ Кантъ къ программѣ „Маяка“ своимъ ученіемъ о нравственности. Съ этой стороны онъ представлялся ревнителямъ „коренныхъ стихій“ русской народности не только неудачнымъ мыслителемъ, запутавшимся въ своихъ мудрованіяхъ, но и вреднымъ иновѣрцемъ, небезопаснымъ для чистоты и цѣлости христіанскаго вѣроученія. На эту тему въ 1843 году встрѣчаемъ, напр., слѣдующее разсужденіе: „Мало хорошаго и много худаго нашли мы въ Кантовомъ началѣ нравственности. Теперь имѣемъ право заключить, что если великій Кантъ, знавшій всѣ предшествовавшія безчисленныя системы нравственности, не составилъ истиннаго начала нравственности, то и умъ человѣческій никогда самъ по себѣ не можетъ этого вообще сдѣлать. Поставимъ себѣ правиломъ — обращаться къ Откровенію при рѣшеніи важнѣйшихъ задачъ ума человѣческаго, имъ повѣрять свои знанія, имъ освѣщать свои мысли, а паче всего дѣйствовать въ духѣ Евангелія, а не въ духѣ Кантовой фи-

лософіи, въ которой, повторяю, вполне отразился духъ реформатства“¹⁾).

Отрицательное отношеніе къ философіи запада обязывало редакцію „Маяка“ изложить собственныя философскія воззрѣнія, изъ которыхъ можно было бы исходить, какъ изъ положительнаго основанія въ вопросахъ литературной теоріи и критики. Это и не замедлилъ сдѣлать самъ С. А. Бурачекъ, изложившій по-своему, въ духѣ официальной народности, какъ исторію философіи, такъ и ея „задачу“. Сущность и задача философіи, по его представленію, для человѣка, вѣрнаго кореннымъ стихіямъ русской народности, раскрываются очень легко. „Тѣло ея (философіи) должно построиться наукозданіемъ, сообразно содержанію. Душа ея—содержаніе, должно сочлениваться изъ духа всѣхъ наукъ. Духъ философіи — мудрость, обладаніе тайнами всего сущаго—самъ собой выяснится чрезъ примѣненіе всѣхъ наукъ и, непременно, при помощи сверхъестественнаго, Божественнаго откровенія и при содѣйствіи Божіей благодати каждому изъ зиждущихъ. Эта работа — не подъ силу одному: всѣ, всѣ научники, до единого, призываются на сію работу. Первобытные народы владѣли духомъ философіи,—мудростью; душа была не развита, тѣло не создано, и потому первобытная мудрость облеклась необходимо въ отдѣльные символы и загадки. Вторичные народы обрабатывали, но безуспѣшно душевную сторону философіи. Третичные народы исключительно работаютъ надъ строеніемъ тѣла, внѣшности, формы философіи; потому-то всѣ труды ихъ отвлеченны, призрачны, чужды жизненнаго содержанія, и философія ихъ обратилась въ посмѣшище, и отвратила людей недалъновидныхъ отъ изысканія истинныхъ путей мудрости. Наконецъ, мы, русскіе, самимъ благодатнымъ

---

¹⁾ „Маякъ“, 1843, томъ 10, гл. 3. Матеріалы. О Кантовомъ, формномъ, началѣ нравственности. — Андрея Монастырева. Стр. 27.

Промысломъ Божиимъ введены въ ограду истинной Православной Каеолической Церкви, сокровищницу всякой мудрости, непреложно ведущую къ благодатному общенію съ Богомъ. Цѣлостъ и единство Державы нашей крѣпится благословеннымъ Самодержавіемъ, и кунно съ Церковью зовуть и ведутъ насъ къ единомыслію и единенію во всемъ. Добрая, умная, не испорченная въ нравахъ природа и народность наша дѣлають насъ добрыми сосудами, способными къ принятію всякой благодати. Время, въ которое мы, вѣривъ доселѣ на слово заблудшему Западу, начинаемъ уже повѣрять его и убѣждаться въ его погрѣшительности, наденіяхъ и заблужденіяхъ, время наше именно то самое, когда философія Запада дошла до-нельзя въ мечтательности. Мы призваны одушевить мертвое тѣло „третичной“ философіи, чѣмъ же? — духомъ: мудростью истинною, „первобытною“, Божественно-откровенною, которая вполнѣ сохранилась и сочленилась въ нашей Вселенской, Православной Церкви. Вотъ истинная исторія философіи, изъ которой прямо, чисто и ясно выходитъ задача философіи. „Се благочестіе—есть премудрость, а еже удалитися отъ зла — есть вѣдѣніе (Гов. 28, 28)“¹⁾.

Послѣ этихъ наивныхъ „философскихъ“ признаній естественно ожидать, что и въ свою эстетику и въ теорію словесности „Маякъ“ внесетъ ту же „официально-народную“, въ частности официально-церковную, точку зрѣнія. Дѣйствительно, статьи „Маяка“, посвященные даннымъ вопросамъ, вооружаются противъ господствовавшаго въ сороковыхъ годахъ философскаго пониманія задачъ искусства, его стремленій къ идеѣ безконечности, культа красоты и фантази, преклоненія передъ изящнымъ въ природѣ. Въ этомъ смыслѣ жестокіе наладки встрѣтило въ „Маякѣ“ сочиненіе М. Чи-

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, томъ 6. Критика. Задача философіи. С. Бурачека. Стр. 79—80.

стякова „Очеркъ теоріи изящной словесности“. Находя ошибочными тѣ философскія основанія, на которыя опирается авторъ этой книги, критика „Маяка“ указываетъ съ своей точки зрѣнія цѣлый рядъ заблужденій, которыя неизбежны для того, кто строитъ свою поэтику на философіи запада. „...Изъ безконечной силы (авторъ) глухо выводитъ безконечную гармонію, изъ гармоніи, по пустырямъ порожнихъ словъ, переходитъ къ изящному, отъ изящнаго къ красотѣ. Затѣмъ вышло величіе, колоссальность, граціозность, а изъ нихъ заключеніе: „природа есть изящнѣйшее созданіе въ цѣломъ составѣ и мельчайшихъ частяхъ ея“,—тогда какъ въ природѣ нѣтъ прямой линіи, нѣтъ вѣрнаго круга, нѣтъ чистаго звука, чистаго цвѣта, въ ней, сила рядомъ съ безсиліемъ, бытіе—съ тлѣніемъ, жизнь со смертію, и все это произошло послѣ паденія человѣка, у котораго осталась одна сторона изящная—Божія, другая изуродована сатаной, чрезъ увлеченіе человѣка въ грѣхъ. Короче, пока философы и эстетики не примутъ въ основаніе своихъ наукъ паденія, до тѣхъ поръ ихъ теоріи изящнаго будутъ мыльные пузыри, сложенные изъ софизмовъ: и человѣкъ нѣмъ, и природа останется нѣмою передъ ними; и они съ самымъ благимъ намѣреніемъ готовы сказать вотъ хоть этакой софизмъ: „Въ душѣ человѣка явственнѣе, нежели въ другихъ созданіяхъ природы, отражается Божественная сила и гармонія“.—Въ человѣкѣ святомъ—да; въ грѣшникѣ нераскаянномъ—нѣтъ. Затѣмъ у сочинителя является фантазія, которая-де творитъ картины, преобразовываетъ ихъ, измѣняетъ ихъ составъ и прочая. Фантазія—наслѣдство классическое, мечта, бредъ души, психологическая болѣзнь, а отнюдь не какая-нибудь нормальная сила или способность души. Фантазія—мечта; она преобладала у грековъ и вообще у язычниковъ, въ психологическомъ составѣ которыхъ царствовалъ вѣчный безпорядокъ: духъ былъ поработченъ душѣ, душа—своему воображенію. Непобѣдимое, постоянное господство воображенія надъ всѣмъ составомъ язычника и есть то, что онъ называлъ фантазіей: у него это было господствующее состояніе; но это состояніе—низверженное, падшее. Въ че-

ловѣкъ, возстановленномъ отъ паденія, т. е. въ христіанинѣ, т. е. въ человѣкѣ въ собственномъ смыслѣ, воображеніе есть сила служебная и покорная душѣ, душа есть существо служебное и покорное духу, духъ есть существо служебное и покорное Богу; Богъ есть Творецъ Вседержитель; и въ человѣкѣ Онъ собственно творить: безъ Мене не можете творити ничесоже. Язычники, потерявшіе Бога-Творца, сдѣлали бога изъ своей фантазіи—мечты, и все творчество свое ему приписывали. Фантазія—миѣ, точно такой же, какъ Венера, Бахусъ, Меркурій... Намъ должно изгнать эту ложную мысль фантазіи навсегда изъ своей философіи и эстетики, иначе сами онѣ вѣчно останутся фантазіями, какъ и есть“¹⁾.

Отправляясь отъ такого тенденціознаго пониманія художественнаго творчества, авторъ цитуемой статьи отрицательно относится не только къ „языческой“, въ частности къ античной, но и къ новѣйшей европейской поэзіи, если она имѣетъ какую-либо связь съ традиціями „языческаго“ искусства; между прочимъ, такой отрицательный взглядъ распространяется и на Байрона: „Язычники были чужды Богу, который есть Богъ единъ творящій чудеса, чужды и мертвы вліяніямъ міра Божественнаго, чужды Ангеламъ и вліяніямъ міра духовнаго добраго, чрезъ которыхъ творятся всѣ истинныя чудеса, и пребывали постоянно подъ вліяніемъ міра духовнаго злаго. Въ замѣнъ этого, какъ уже видѣли, ихъ мечты или фантазія вымыслила миѣы; а духовный міръ зла подслужился волхвами, оракулами, которые не всегда были отъ людскихъ или жреческихъ плутней, а часто и отъ содѣйствія бѣсовъ. Эти-то миѣы и оракулы, волхвы и составляли ихъ міръ чудеснаго и сверхъестественнаго... Отсюда всѣ виды и того языческаго суевѣрія, которое съ такою силою ворвалось въ міръ христіанскій, съ години возрожденія наукъ, свирѣпствовало во всѣ

---

1) „Маякъ“, 1843, томъ 11-й. Критика. Очеркъ теоріи изящной словесности, Михаила Чистякова. Сиб. 1842. (Статья, повидимому, С. Бурачека). Стр. 148—9.

средніе вѣки (sic!), гнѣздится и до сихъ поръ даже въ душахъ Байроновъ и Наполеоновъ, и должно быть изгнано изъ теоріи словесности“¹⁾).

Съ той же точки зрѣнія осуждаетъ г. Бурачекъ и другое современное сочиненіе по теоріи словесности— „Учебный курсъ словесности“ Василія Плаксіна: „Господинъ Плаксинъ, вмѣстѣ съ западными психологами, принимаетъ падшее состояніе нашей природы за нормальное, т. е. будто бы человѣкъ такимъ и вышелъ изъ рукъ Творца, каковъ онъ теперь; поэтому о состояніи истинномъ, нормальномъ, возрожденномъ у него и рѣчи нѣтъ. Это коренная причина невѣрности его психологіи, а стало быть и науки слова... Итакъ г. Плаксинъ имѣетъ въ виду совершенство призрачное, не принимаетъ прирожденнаго стремленія человѣка ко злу, безсмертіе разумѣетъ метафизическое—въ потомствѣ; не различаетъ жизни душевной отъ жизни духовной,—эти ошибки онъ повторяетъ за всѣми западными психологами“²⁾).

Переходя къ изложенію собственныхъ взглядовъ на основы теоріи словесности, авторъ даетъ скудное по содержанію и по формѣ опредѣленіе словесности, отзывающееся философскими и богословскими потугами средневѣковой схоластики. „Словесность“, говоритъ онъ, „какъ и самъ человѣкъ, слагается изъ трехъ частей: изъ тѣла, души и духа. Ибо весь человѣкъ высказывается въ словѣ. Тѣло—формы слова: грамматика и риторика. Душа—содержаніе: историческій ходъ разнообразныхъ психологическихъ проявленій силы, свѣта и тепла души человѣческой, т. е. ея вожделѣтельности, ума и чувственности, гдѣ сила вожделѣтельности проявляется

¹⁾ Тамъ же, стр. 156—7.

²⁾ „Маякъ“, 1844, томъ 13. гл. IV. Критика. Предварительныя познанія о природѣ человѣка, о познавательныхъ силахъ. С. Б. (По поводу книги Вас. Плаксина „Учебный курсъ словесности“, в. I. Спб. 1843). Стр. 21.

правдой, свѣтъ ума—истиной, тепло чувственности—чистою любовью. Духъ словесности, собственно поэзія—проявленіе и участіе высшихъ міровъ, Ангельскаго (въ томъ числѣ и бѣсовскаго) и Божественнаго, въ жизни человѣка: въ его волѣ, разумѣ и чувствѣ“¹⁾). Нѣсколько яснѣе и содержательнѣе излагаетъ сущность художественнаго творчества другой сотрудникъ „Маяка“, раскрывающій понятіе о высококомъ или возвышенномъ въ приложеніи его къ эстетикѣ; впрочемъ, и здѣсь та же тенденція ограничить искусство областью вѣры и ученіемъ церкви. „Высокое есть то, что, поражая насъ и пробуждая въ насъ мысль о Вѣчномъ и Безпредѣльномъ, правится нашему духу. Итакъ, первое условіе высокаго предмета есть его величина, его возвышенность надъ обыкновеннымъ кругомъ явленій“... Источникъ истинно-высокаго—въ Божествѣ: „довольно сказать только, что другого подобнаго—высокаго предмета нѣтъ и быть не можетъ, потому что Богъ есть одинъ источникъ высокаго“. Отсюда наше стремленіе къ Богу, какъ „Вѣчному Началу всего высокаго“,—стремленіе, которое поддерживается въ насъ Церковью. „Вѣчность—наша родина: тамъ нашъ пріютъ, наше успокоеніе; Богъ—Отецъ нашъ: въ Его лонѣ—наше блаженство. Дщерь неба и вѣчности, Церковь Христіанская, восторгаетъ не мысли только и чувствованія, а весь духъ человѣка на небо и въ вѣчность, не къ предошущему только Вѣчнаго Начала всего высокаго, но къ тѣснѣйшему съ Нимъ соединенію, восторгаетъ и внутреннимъ своимъ составомъ и всею своею внѣшностью“²⁾)..

Сообразно такому освѣщенію вопросовъ эстетики въ критикѣ „Маяка“ получали одобреніе только тѣ сочиненія по теоріи и исторіи русской словесности, которыя съ какой-

¹⁾ „Маякъ“, 1843, томъ 11, гл. IV. Критика. Очеркъ теоріи изящной словесности. Михаила Чистякова. Спб. 1842. (Статья, повидимому, С. Бурачека). Стр. 146—7.

²⁾ „Маякъ“, 1843, т. 12. Словесность. О высококомъ. (Изъ чтеній объ эстетикѣ). Статья М. Булгакова. Стр. 67—8.

либо стороны подтверждали положенія официальной народности. Такимъ сочиненіемъ, между прочимъ, была признана въ „Маякѣ“ „Исторія русской словесности“ С. П. Шевырева. Впрочемъ, такъ какъ даже и Шевыревъ, вообще близко стоявшій къ направленію официальной народности, не совсѣмъ всетаки укладывался въ узкія рамки эстетики и теории словесности „Маяка“, то пришлось и Шевыреву навязать такую тенденцію, которую врядъ-ли онъ имѣлъ въ виду. Такъ, въ 1844 году мы встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о сочиненіи Шевырева, въ видѣ обращенія къ самому автору: „При чтеніи вашего „Введенія въ исторію русской словесности“, я, малосмысленный и невѣдомый вамъ областянинъ, много разъ говорилъ отъ души спасибо русское; хотя и не всё мнѣ представляется такъ, какъ вы думаете, но мнѣ ли съ вами спорить. А самое великое спасибо говорилъ и говорю вамъ за одно мѣсто, которое я выпишу для „Маяка“: „Много найдется между сокровищами древней Руси такихъ сочиненій, изданіемъ которыхъ слѣдовало бы только возобновить религіозно-литературное образованіе нашего народа и лучше которыхъ мы сами изобрѣсти ничего не можемъ. Начавши съ этого и положивъ въ основу такія книги, освященные печатью древности и религіозной жизни нашихъ предковъ, можно было бы идти далѣе и продолжать развитіе въ томъ же духѣ, примѣняя его къ современнымъ потребностямъ отечества“. Золотая истина! Говорите объ этомъ больше и яще. Какъ житель деревенскій, я знаю, что многіе наши поселяне не станутъ читать книги, напечатанной буквами гражданскими. Судите о семъ, какъ хотите, но несомнѣнно, что лучше всего подѣйствовать на народъ нашъ черезъ книги, напечатанныя церковными буквами“¹⁾). Такимъ образомъ вниманіе Шевырева къ древней русской литературѣ истолковано было настроеннымъ на официально-народный ладъ „обла-

---

¹⁾ „Маякѣ“, 1844, т. 15. Смѣсь. Отзывъ областянина о С. П. Шевыревѣ. (Ст. „Украинскаго Областянина“). Стр. 20.

стяниномъ“ какъ призывъ воспитывать народъ не столько съ помощью литературнаго наслѣдія нашей древности, сколько специально при посредствѣ церковнаго шрифта.

При такихъ взглядахъ на основы словесности, „Маякъ“ не могъ примириться не только съ эстетическими воззрѣніями 40-хъ годовъ, но и вообще съ сужденіями тогдашней критики. И если вообще сближать критическіе принципы и приемы „Маяка“ съ какимъ-либо опредѣленнымъ направленіемъ критики, то они ближе всего будутъ къ критикѣ времени увлеченія французскимъ классицизмомъ. Въ этомъ именно духѣ написана, напр., статья П. Корсакова, посвященная критикѣ. „Чтобы критика произведеній изящныхъ искусствъ была основательною“ — разсуждаетъ онъ—, „чувство критика должно уловить, оснзать въ душѣ своей идеаль прекраснаго, глубоко заложенный туда Самимъ Богомъ при созданіи чело-вѣка и внѣшно проявляющійся въ предметахъ и произведеніяхъ изящныхъ искусствъ, болѣе или менѣе образцовыхъ; она должна судить о новыхъ произведеніяхъ не иначе, какъ по сему образцу, сравнивая ихъ въ стройности цѣлаго и частей съ своимъ идеаломъ. Смотри по теплотѣ чувства, силѣ воображенія, понятію объ изящномъ, по вѣрности взгляда, по анализу частей и цѣлаго, по сближенію едва уловимыхъ оттѣнковъ, можно судить о дарѣ и вкусѣ критика.... Безспорно, что природа должна быть основаніемъ идеаловъ: но какая природа? Природа Божія, истинная, полная добра, прекрасная, не изнеможенная злоупотребленіями чело-вѣка. И жалкая хижина, подпертая коломъ, и великолѣпный чертогъ суть произведенія зодчества; и хижина и чертогъ исполняютъ свое назначеніе, служатъ пріютомъ для чело-вѣчества; но разстояніе неизмѣримое раздѣляетъ сіи два предмета чело-вѣческаго строительнаго искусства, и въ plasti-ческомъ отношеніи первая гораздо ниже другого. Только прихоть художника рѣшится изображать съ математическою точностью низкую природу; художникъ высшаго разряда, художникъ даровитый, всегда предпочтетъ неблагодарной ра-ботѣ сей природу облагороженную, сообразную народнымъ,

если не міровымъ, понятіямъ объ изящномъ. Подлѣ гениальной картины Брюлова кто станетъ любоваться какою-нибудь оргіею Фламандской школы? Отъ пластическихъ художественныхъ произведеній къ чисто-литературнымъ сочиненіямъ переходъ недалекъ: и художество и литература изображать должны природу облагороженную, природу изящную, иначе будутъ они жалкими копіями съ гнусныхъ оригиналовъ“¹⁾. Иногда собственныя требованія, предъявляемыя „Маякомъ“ критикѣ, выражаются безъ всякихъ претензій на какую-либо наивную эстетическую теорію, но во всякомъ случаѣ на первый планъ выдвигается мысль о необходимой связи критика съ коренными стихіями его народа. „Прежде всего онъ (критикъ) долженъ по рожденію принадлежать тому народу, произведенія котораго онъ обсуживаетъ; онъ долженъ съ молокомъ всосать въ себя самыя задушевныя наклонности и способности народа: иначе его критика — не критика, а лишь поверхностный взглядъ иноземца на обычаи чуждаго ему народа, простое частное мнѣніе о народѣ вообще, а не приговоръ сочиненію. Второе условіе: критикъ долженъ быть воспитанъ и образованъ въ духѣ и вѣрѣ того народа, котораго произведенія онъ берется разбирать; долженъ знать, цѣнить, любить и уважать духъ и вѣру своего народа.—Третье условіе: критикъ обязанъ знать глубоко и свѣтло исторію народа, имѣть о ней истинное теоретическое понятіе, основанное на Божественномъ міроуправленіи, сверхъ нагляднаго, пракческаго—о народѣ, произведеніе котораго обсуживаетъ, знать твердо языкъ во вѣхъ его видоизмѣненіяхъ и красотахъ и степень народной нравственности и религіозности, которой термометромъ долженъ быть самъ онъ“²⁾.

Относительно своей связи съ коренными стихіями русской народности критика Маяка, конечно, не сомнѣвалась: она

---

¹⁾ „Маякъ“, 1840, ч. I. О Критикѣ. Соч. П. Корсакова, Стр. 57—8.

²⁾ „Маякъ“, 1844, т. 15, гл. IV. Критика. О томъ, есть-ли у насъ русскіе критики. Статья Ѳ. Костыги. Стр. 1—2.

считала себя истинно-національной критикой, „образованной въ духѣ и вѣрѣ народа“, а потому прежде всего отрицательно относилась ко всей литературѣ запада. Чаше всего встрѣчаемъ на страницахъ „Маяка“ рѣзкія отрицательныя выходки противъ французской литературы, особенно противъ романтиковъ, въ частности противъ „устарѣлаго грѣшника“ Бальзака, „углового столпа ихъ неистовой школы“; нѣсколько разъ подчеркивается недостойное и даже безнравственное направленіе ранней литературной дѣятельности В. Гюго и Ж.—Занда ¹⁾. Впрочемъ, отрицаніе это обыкновенно ничѣмъ не обосновано и иногда граничитъ съ невѣжествомъ. „Маякъ“ то вышучиваетъ наивно „Гетеву философію“ ²⁾, то съ апломбомъ разсуждаетъ о „ложно направленной чувствительности „вертеровскихъ временъ“ ³⁾, то высмѣиваетъ фразерство на темы изъ „Фихтева познанія всѣхъ наукъ“ ⁴⁾. Одинъ только, повидимому, разъ критика „Маяка“ собралась подвергнуть строгому разбору всю вообще западную литературу цѣликомъ, но и тутъ дѣло свелось къ наивной и безвкусной болтовнѣ. Именно, въ первой книжкѣ „Маяка“ за 1842-й годъ помѣщена была статья Софьи Панюты подъ заглавіемъ „Открытія въ царствѣ миеовъ“. Здѣсь западной литературѣ приписанъ былъ цѣлый рядъ пороковъ; названія ихъ авторъ статьи намѣренно прочиталъ наоборотъ, отъ конца къ началу, и получившіяся такимъ образомъ уродливыя слова, которыя,

---

¹⁾ „Маякъ“, 1840, ч. I. О критикѣ, соч. П. Корсакова, стр. 57—8; „Маякъ“, 1840, ч. III. Смѣсь. Характеристика знаменитой Жоржъ-Зандъ, стр. 36—7; „Маякъ“, 1841, ч. 14. Библиотека избранныхъ писателей. П. Корсаковъ, Взглядъ на французскую литературу 1840 года, стр. 54 и слѣд.

²⁾ „Маякъ“, 1842, т. 3. Смѣсь. Разныя разности. Гетева философія. Стр. 30—31.

³⁾ „Маякъ“, 1843, т. 9. Словесность. Быль вертеровскихъ временъ (Отрывки изъ записокъ моей юности). М. Макаровъ. Стр. 34 и 38.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 54.

по его мысли, должны символизировать недостатки западно-европейскаго литературнаго творчества, назвалъ „открытіями въ царствѣ миеовъ“. По поводу этой статьи и ея „открытій“ другая сотрудница „Маяка“, А. Зражевская, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Эта статья прекрасно изображаетъ западную литературную мишуру во всей ея наготѣ; посмотрите, тутъ всѣ ея главныя стихіи (читайте имена навыворотъ):

1. Коропъ—порокъ, безнравственность, соблазнъ.

2. Адомъ—мода, всеобщее увлеченіе, легкомысліе, любопытство.

3. Авабазъ—забава, игрушка, шутки, пустословіе, игро-словіе, двусмысленность, каламбуръ, эпиграма, остроуміе.

4. Тсондзарпъ—праздность, пустота, скука, безжизненность.

5. Аничиль—личина, фразерство, внѣшность, цвѣт-ность.

6. Яизюлли—иллюзія, призракъ, внѣшній блескъ, мороченье.

7. О'Лавуданъ—надувало, общій ихъ движитель, кото-рый, соединяя таланты всѣхъ своихъ сотрудниковъ, морочитъ людей напиткомъ изъ настоя журнальныхъ идей и фразъ, перегнаннаго изъ пустого въ порожнее, единственно для того, чтобъ, угождая прихотямъ и страстямъ общества, добыть отъ него побольше денегъ... Всё-то это — т. е. Коропъ, Адомъ, Авабазъ, Тсондзарпъ, Аничиль, Яизюлли, О'Лавуданъ... вмѣстѣ взятое и составляютъ западную литературную мишуру, которой до сихъ поръ и читатели и писатели столько плачевныхъ жертвъ приносятъ: вкусъ, умъ и волю“¹⁾).

Такъ же отрицательно относится „Маякъ“ и къ современной ему русской литературѣ, которая, по его сужденію, уже,

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, томъ 1, ч. IV. „Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія“. Соч. О. П. Шишкиной. Четыре части. С.-Пб. 1835. Статья Александры Зражевской. Стр. 147.

начиная съ Пушкина ¹⁾, носить на себѣ слѣды упадка, — вѣроятно, вслѣдствіе вреднаго воздѣйствія запада. „Послѣ Пушкина—читаемъ въ одной изъ критическихъ статей 1844 года—, доведшаго до совершенства внѣшній видъ стиха, версификацію, но въ то же время предводительствовавшаго русскую словесность къ нынѣшнему ея упадку въ безцвѣтность и мишурность, столько нашлось не призванныхъ, не болѣно разумныхъ судей о нашихъ древнихъ писателяхъ, и до такой степени журналы привыкли уничтожать ихъ достоинства и заслуги, а читатели—всему этому вѣрить на слово, безъ повѣрки, что не только большая часть нашихъ современниковъ, особливо юныхъ, уже и не заглядываютъ въ сочиненія Ломоносова, Хемницера, Державина, Дмитріева и самого Карамзина,—но даже и тѣ, которые призваны къ преподаванію или къ изученію русской словесности, незамѣтно увлеклись къ вѣрованію толкамъ невѣгласовъ“ ²⁾. Впрочемъ, къ своимъ любимымъ и уважаемымъ писателямъ „Маякъ“ относитъ также и Жуковскаго ³⁾ и Пушкина, но помѣщаетъ ихъ въ одну группу съ такими сомнительными литературными величинами, которыя съ ними имѣютъ очень мало общаго. Такъ, перечисляя своихъ излюбленныхъ „портретныхъ“ писателей, т. е. такихъ, „которыхъ не только сочиненія, но и личность въ портретѣ извѣстна и любезна всей Россіи“, критикъ „Маяка“ говоритъ: „Крыловъ, Гречъ, Полевой, Жуковскій, Пуш-

---

¹⁾ Пушкина и Лермонтова „Маякъ“ рѣзко осудилъ уже въ 1840 году (ч. IV); дальнѣйшая обскурантская оцѣнка творчества Пушкина была сдѣлана въ статьяхъ А. Мартынова („Маякъ“, 1843, тт. 7, 9—11); разборъ этой оцѣнки см. С. С. Трубачевъ, „Пушкинъ въ русской критикѣ 1820—1880“, Спб. 1889, стр. 312—324.

²⁾ „Маякъ“, 1844 годъ, томъ 18. Критика. Древніе и новѣйшіе судіи дѣяній Петра Великаго съ 26 апрѣля 1755-го по 1844 годъ. Статья Василя Бѣлаго. Стр. 79.

³⁾ Ср. напр. „Маякъ“, 1842, т. 1. Замѣчатель. Стихотв. „В. А. Жуковскому, по прочтеніи его „Ундины“. Стр. 33.

кинъ, Зотовъ, Булгаринъ, Карповичъ (30-ти лѣтній практикъ въ сельскомъ хозяйствѣ), Кукольникъ, Александровъ, Каменскій, Воскресенскій, все это у насъ портретные писатели, т. е. даровитые, всѣми любимые и всѣми уважаемые писатели“¹⁾). Изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ „Маякъ“ въ особенноти чтить Ѡ. Булгарина. „Булгарина вся Россія прочла и читаетъ (говоритъ рецензентъ „Маяка“ по поводу „Полнаго собранія сочиненій Ѡаддея Булгарина“); по пальцамъ перечтетъ всѣ его красоты и заслуги... Полное собраніе сочиненій Булгарина есть выраженіе важныхъ услугъ, имъ оказанныхъ и оказываемыхъ русскому обществу, учености и литературѣ“²⁾).

Это отрицательное отношеніе къ западной литературѣ и къ ея отголоскамъ въ русскомъ художественномъ творчествѣ опредѣляло и выборъ беллетристическихъ произведеній, которыя помѣщались въ „Маякъ“. Въ этомъ отношеніи очень характерны разсужденія А. Зражевской о духѣ времени и о выражающихъ его искусствахъ и въ частности словесности. „Духъ времени есть общее стремленіе всѣхъ къ одной какой-либо цѣли. Но на свѣтѣ есть Духъ истины и духъ лжи. Каждое поколѣніе всегда дѣлится на двѣ стороны: одна водится Духомъ истины и обличаетъ служителей духа лжи; а другая увлекается духомъ лжи, гонитъ и преслѣдуетъ служителей истины. Это отражается на всемъ человѣческомъ: наукахъ, искусствахъ, художествахъ, словесности и вообще на всѣхъ дѣлахъ; и все духъ времени никогда не бываетъ единиченъ, а всегда двоякъ: истинный—отъ Бога, лживый—отъ духа лжи... Какъ бы хорошо было, если бъ мыслители обратили все свое вниманіе на слѣдующую простую вещь: всѣ міровыя явленія происходятъ и отъ причинъ міровыхъ. Верховная

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, томъ I, гл. IV. Библиотека избранныхъ сочиненій. Заграничная (=провинціальная) критика на „Маякъ“, годъ 1-ый. Статья П. Угрюмова. Стр. 11.

²⁾ „Маякъ“, 1840, ч. II, гл. IV, стр. 21.

причина міра одна—Богъ, Творецъ, Міроправитель и Источникъ истинный всякаго добра; но по допущенію Божію на челоуѣчество дѣйствуетъ и врагъ Бога и челоуѣковъ, отецъ лжи (Іон. VIII, 44). Отъ того и явленій два: Духъ вѣка истинный и духъ вѣка лживый — духъ заблужденія¹⁾.

Оправданіе своей исторіософіи г. Зражевская ищетъ и въ литературѣ, напр. въ романахъ М. Н. Загоскина, въ сороковыхъ годахъ уже замѣтно подпавшаго подъ вліяніе идей официальной народности „Жизнь русская прошлаго столѣтія“, говоритъ она по поводу романа „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, „въ ея добромъ и зломъ колебаніи, ведущемъ добрыхъ — къ успѣхамъ въ добрѣ, а злыхъ — къ успѣхамъ во злѣ, или къ обращенію и исправленію — изображена искусно, вѣрно и увлекательно“²⁾. Съ той же точки зрѣнія разбираетъ она повѣсть О. П. Шишкиной „Князь Скопинъ-Шуйскій или Россія въ началѣ XVII столѣтія“. „Сочинительница — читаемъ по поводу этой повѣсти — не гонялась за колоссальными, пирамидальными, языческо-героическими характерами, исключительной обрисовкѣ которыхъ посвящены всѣ романы Вальтеръ-Скотта. Сочинительница Скопина-Шуйскаго, отбросивъ всякое щегольство характерами, романтическими описями и декораціями—въ которыхъ собственно заключается большая половина достоинствъ В. Скотта, увлекающаго болѣе новостію, нежели прочностью своихъ созданій,—прямо изображаетъ челоуѣка, и челоуѣка русскаго, каковъ онъ есть, съ его добрыми качествами и порочными наклонностями, во всѣхъ его отношеніяхъ видимыхъ и не видимыхъ, (но познаваемыхъ вѣроу) къ Богу, природѣ и къ родинѣ. Скажите, кто отвелъ еѣ отъ Вальтеръ-Скоттовской геніальной, но всѣтаки—мишуры, которой фабрика

1) „Маякъ“, 1842, т. 3. IV. Библіотека избр. сочиненій. Стаття А. Зражевской по поводу романа М. Н. Загоскина „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“. Стр. 75—6.

2) Тамъ же, стр. 83—4.

съ его смертію закрылась и никогда болѣе не возстановится съ прежнею славою? Такъ проходитъ пора всякой, самой гениальнѣйшей мишуры, а золото — всё золото! Скажите, кто навелъ сочинительницу на истинные законы построения повѣсти, на истинное содержаніе и изложеніе русской повѣсти? — Пламенная любовь къ родинѣ, глубокое знаніе и усвоеніе трехъ коренныхъ стихій русской народности. Эти стихіи: Вѣра православная, Царь-помазанникъ и слово мудрое! ¹⁾.

Въ дополненіе къ официально-народнымъ повѣстямъ и романамъ, изображавшимъ въ официально-народномъ освѣщеніи наше историческое прошлое, въ „Маякѣ“ охотно помѣщались такія произведенія, въ которыхъ развивалось отрицательное отношеніе къ культурнымъ вліяніямъ запада. Такъ напр., въ „Разказѣ о Кіевской старинѣ“ Н. Елагина ²⁾ мы находимъ не только пространныя lamentаціи по поводу упадка любви къ старинѣ, но и грозныя рѣчи противъ увлеченія заморскими обычаями. На тему о западничествѣ встрѣчаемъ даже спеціальную повѣсть, гдѣ славянофилъ, въ окраскѣ официальной народности, посрамляетъ западника. Въ этой повѣсти противъ западника Тмовскаго, отрицательно относящагося къ русской литературѣ и изъ русскихъ журналовъ признающаго только „Отечественныя Записки“, удачно выступаетъ защитникъ русской народности и борець противъ европеизма Златоновъ, котораго авторъ повѣсти описываетъ такими чертами: „То былъ Златоновъ, богатый помѣщикъ, пожертвовавшій для науки всѣми выгодами и удовольствіями отъ ста тысячъ годового дохода; ревнитель добра и правды, охотно предавшійся тяжкой борьбѣ съ личнымъ себялюбіемъ и съ европейскими идеями своихъ умныхъ согражданъ“ ³⁾.

---

¹⁾ „Маяк“, 1842, т. I. Критика. Русская народная повѣсть „Князь Скопинъ-Шуйскій“... Статья Ал. Зражевской. Стр. 151.

²⁾ „Маяк“, 1842, т. 6. I. Словесность. Проза. „Разказъ о Кіевской старинѣ“. Н. Елагина. Стр. 3—4.

³⁾ „Маяк“, 1843, т. 7. Гл. I. Словесность. Проза. „Востокъ и Западъ“, повѣсть Александра Иваницкаго; глава 1: Русскій и европеець, стр. 5.

Въ этомъ же направленіи написана повѣсть П. Корсакова „Свѣтъ и тѣнь“¹⁾. Это повѣсть о людяхъ благороднаго происхожденія, но не увлекающихся ложнымъ европеизмомъ и вѣрныхъ своему исконному быту. Тутъ есть и вылазки противъ русскихъ европейцевъ, „вырощенныхъ въ школѣ зарейнской философіи“, „пропагандистовъ безвѣрія“, любителей „художественности въ безнравственныхъ грезахъ писателя“, этихъ „разбойниковъ высшаго полета“; здѣсь же изображаются и плоды „художественнаго“, т. е. безнравственнаго, европейскаго воспитанія и плоды воспитанія, вѣрнаго національному быту и здравому смыслу, при которомъ человѣкъ становится „украшеніемъ общества“²⁾. Подборъ стихотворныхъ произведеній соотвѣтствуетъ повѣстямъ и романамъ. Правда, на страницахъ „Маяка“ мы встрѣчаемъ и стихотворенія такого представителя славянофильства, какъ А. Хомяковъ³⁾; но въ сосѣдствѣ съ ними печатались и узко-націоналистическіе стихотворные восторги и выкрики Я. А. Щеткина, Е. П. Зайцевскаго, Д. Коптева, А. Тимофеева и др.⁴⁾, гдѣ на ряду съ восхваленіемъ русской бороды, наводящей грозу на „дряблага нѣмца“, иногда прямо отрицалась всякая необходимость для Россіи просвѣщенія.

Наивная и въ то же время обскурантская идеологія „Маяка“ отмѣчена была уже и современниками. Между про-

---

1) „Маякъ“, 1841, ч. 14, стр. 105 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 159.

3) Ср. „Маякъ“, 1843, т. 10. Стихотворенія А. Хомякова подъ общимъ заглавіемъ: „Будущность родины. Прозрѣніе поэта“ (Западъ и Востокъ, Альбіонъ, Гордость и смиренномудріе, Ключъ). Стр. 5—9.

4) Ср. „Маякъ“, 1840, ч. III: стихотворенія Я. А. Щеткина „Завѣтный край“ и Е. П. Зайцевскаго „Пѣсня“; „Маякъ“, 1844, т. 17: стих. Д. Коптева „Русскій человѣкъ“, стр. 10 и „Маякъ“, 1843, т. 8: стих. А. Тимофеева „Борода“, стр. 8—9.

чимъ, жестокимъ критикомъ „Маяка“ явился и такой журналъ, который никакъ не могъ претендовать на руководящую роль въ прогрессивномъ движеніи нашей общественности сороковыхъ годовъ. Этотъ журналъ—„Сѣверная Пчела“. Въ 1842 году „Маякъ“ перепечаталъ такой о себѣ отзывъ „Сѣверной Пчелы“: „Онъ журналъ (т. е. „Маякъ“), толкуя два года о народности, которую онъ понималъ какъ-то особенно, по своему, такъ, какъ никто ее не понимаетъ, усыпивъ самыхъ усердныхъ читателей высокопарно-безтолковыми трактатами о философіи, эстетикѣ и пр. пр., все въ томъ же духѣ народности, наконецъ, на третій годъ своего существованія, рѣшился представить и образцы изящнаго въ народномъ духѣ, или, какъ онъ выражается, „практическое поясненіе теоретическихъ изысканій о родномъ русскомъ языкѣ“.—Что же это такое? почтенный журналъ, издающийся въ духѣ народности, выдаетъ намъ за образецъ русскаго языка и слога простонародную рѣчь нашихъ мужиковъ, извожиковъ и гостинодворцевъ! Стоило писать такіе высокопарные трактаты о философіи, эстетикѣ и литературѣ, бранить на повалъ и Байрона, и Гюго, и Пушкина, и Лермонтова, и все, что запечатлѣно искрой живаго, свѣжаго дарованія, для того, чтобы поставить въ образецъ русскимъ литераторамъ какого то огородника съ Выборгской стороны. И смѣшно и жалко! Крайности и парадоксы всегда приводятъ къ такимъ результатамъ“¹⁾. Рядомъ съ этимъ помѣщенъ и другой, болѣе содержательный, отзывъ—„Русскаго Вѣстника“, но тоже отрицательнаго свойства: „Онъ журналъ добродушно объявляетъ, что всякая философія прежняя, и все, что до нынѣ мыслить и дѣлать умъ человѣческой, все сущій вздоръ; онъ выводилъ свою какую-то философію ad (sic! ab?)jove, по вдохновенію, не по разсудку, вопя о гибели и развратѣ „братіи, въ земной погрязшей суетѣ“, призывалъ

---

¹⁾ „Маякъ“, 1842, т. 4. Смѣсь, стр. 19. Разныя критики на „Маякъ“: „Сѣверная Пчела“, 1842, № 91, стр. 563, столб. 1.

русскихъ быть русскими, какъ будто можемъ мы не быть въ то же время членами великаго семейства человѣчества. Въ запальчивомъ усердіи любезный журналистъ выдумывалъ даже какой-то особенный языкъ русскій, а въ какой-то теоріи холода и тепла, недостойной даже и улыбки сожалѣнія, видѣлъ разрѣшеніе великихъ тайнъ природы!“¹⁾

Редакція „Маяка“ однако не внимала этимъ отзывамъ современниковъ и, считая себя на высотѣ своей задачи, напечатала два года спустя, въ 1844 году, хвастивый отчетъ о своей благонамѣренной дѣятельности. „Маякъ“ началъ выходить 1840 года—читаемъ въ этомъ отчетѣ. „Въ первой же книжкѣ напечаталъ посвященіе всѣхъ будущихъ трудовъ своихъ памяти Великаго Петра, славы и пользы Россіи; за посвященіемъ слѣдуетъ статья: Первый изъ Русскихъ (Петръ I) Членъ Королевской Парижской Академіи Наукъ; потомъ похвальное слово Петру Великому, соч. Фонтенеля, и въ теченіе всего года, рядомъ критическихъ и другихъ статей (и даже повѣстей), подробно и постепенно раскрывались причины застоя и упадка литературы, исторіи, философіи и вообще наукъ, (на что всѣ журналы горько жаловались), заключавшіяся въ ложномъ и мишурномъ ихъ направленіи и въ отсутствіи религіозности; и тутъ же обследованы средства и пути возстановить и оживить науки, философію и словесность, особенно русскую;—что же? эти благонамѣренныя, не безосновательныя, не бездоказательныя изысканія остались втупѣ?—Нѣтъ, имъ вняли многіе; и это вниманіе разительно выказалось въ слѣдующемъ, 1841 году, появленіемъ двухъ новыхъ журналовъ: „Москвитянина“ въ Москвѣ, и „Русскаго Вѣстника“ въ Петербургѣ! Подъ знамена „Москвитянина“ стали московскіе ученые и писатели; знамя „Русскаго Вѣстника“ несли трое изъ заслуженныхъ нашихъ писателей: Н. И. Гречъ, Н. А. Полевой и Н. В. Куколь-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 21. Разныя критики на „Маякъ“: „Русскій Вѣстникъ“, 1842, № 1, критика, стр. 6.

никъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ извѣстныхъ со- трудниковъ. Первая книжка „Москвитянина“ началась ста- тьей: Петръ Великій; первая книжка „Русскаго Вѣстника“ началась статьей: Петръ Великій; оба журнала объявили войну ложному и мишурному направленію современной ли- тературы, философіи, и прочая. Въ „Маякѣ“ была напеча- тана статья Н. В. Савельева „Очеркъ Всеобщей Исторіи“, обличавшая ложное направленіе новѣйшихъ исторіографовъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ напечатанъ подобный же „Очеркъ Всеобщей исторіи“ г. Полевого. — Г. Кукольникъ печаталъ прекрасные свои рассказы изъ анекдотовъ Петра Великаго; другіе сотрудники помѣщали статьи, исключитель- но относящіяся до Россіи, и все это въ духѣ нравственно- сти. Въ 1842 году къ тѣмъ двумъ журналамъ присоединил- ся еще „Сынъ „Отечества“, возобновленный К. П. Масаль- скимъ; первый номеръ его такъ же начался статью: Петръ Великій и другими статьями, до Россіи относящимися, а въ критикѣ — указаніями ложнаго направленія литературы и стремленіемъ исправить оное. Воля ваша, — нельзя же изъ этого событія не вывести хотя такое заключеніе въ пользу „Маяка“: „Право же, онъ не такъ еще пошлъ и смѣшенъ, какъ его старались и стараются нѣкоторые представить! по крайней мѣрѣ, эту участь раздѣлили съ нимъ, по доброму и свободному избранію, еще три журнала, весьма хорошо при- нятые всею грамотною Русью!“¹⁾.

Но какъ ни старался себя приободрить авторъ этого хвастливаго отчета, ему было ясно, что „Маякѣ“ угасаетъ: по собственному его признанію, „одинъ только „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ указываетъ постоян- но на большую часть статей „Маяка“, какъ на произведенія, достойныя особеннаго вниманія въ ученое и литературное отношеніяхъ“, а число подписчиковъ „Маяка“ въ то же вре-

---

¹⁾ „Маякѣ“, 1844, томъ 17-й, Спб. Словесность. Отчетъ Маяка за пять лѣтъ. Издатель. Стр. 74—75.

ми прогрессивно уменьшается (1840 г.—около 800, 1841—650, 1842—540, 1843—450, 1844—„не набралось и 400“) ¹⁾. Въ сознаниі такого явнаго неуспѣха издатель „Маяка“, онъ же и авторъ отчета, возлагалъ надежду на „правый судъ будущей исторіи литературы“ ²⁾. Судъ этотъ давно уже наступилъ, но, вопреки ожиданію г. Бурачека, онъ не былъ, пожалуй, до сихъ поръ „правымъ“: историки литературы слишкомъ страстно относились къ „мракобѣсію“ и „обскурантизму“ ³⁾ „Маяка“ и, полемизируя съ этой тѣнью прошлаго, тѣмъ самымъ безъ всякаго къ тому основанія преувеличивали его значеніе. Изъ только что сдѣланнаго обзора содержанія „Маяка“, кажется, можно въ этомъ отношеніи вывести болѣе спокойное заключеніе: идеологія „Маяка“ настолько наивна и настолько далека отъ какого-либо философскаго или вообще научнаго обоснованія, что историкамъ нѣтъ никакой нужды видѣть въ „Маякѣ“ серьезнаго врага для современной ему прогрессивной русской интеллигенціи. Однако, насколько можно судить по вышеприведеннымъ справкамъ, „Маякѣ“ имѣеть извѣстный интересъ въ исторіи нашей общественности и литературы. Прежде всего, „Маякъ“ выражаетъ собою не столько собственно „официальную народность“ (направленіе по-своему болѣе обоснованное и обставленное болѣе солидными силами, чѣмъ редакція „Маяка“), сколько одно изъ крайнихъ ея проявленій, не удовлетворявшее даже и ея представителей наивностью своей общественной и литературной программы. Затѣмъ, самая возможность такого крайняго выраженія путемъ печати, въ наивной и даже обскурантской формѣ, идеологіи официальной народности, поддержаннаго значительнымъ (особенно въ первые годы) количествомъ официальныхъ и частныхъ подписчи-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 73.

³⁾ Ср. напр. С. С. Трубочевъ, „Пушкинъ въ русской критикѣ“, стр. 312 и 313.

ковъ, образованныхъ и полуобразованныхъ сотрудниковъ, довольно ярко свидѣтельствуетъ объ умственномъ уровнѣ известной части нашего читающаго и пишущаго общества сороковыхъ годовъ, а также и о реакціонномъ характерѣ данной эпохи. Наконецъ, понятый какъ крайнсе выраженіе официальной народности, „Маякъ“ является для послѣдующихъ эпохъ развитія нашей общественной и литературной мысли интереснымъ прототипомъ того реакціоннаго консерватизма, который обнаруживается въ различныхъ варіаціяхъ въ нашей общественности и литературѣ вплоть до нашихъ дней.

